

И сегодня, вспоминая их странное поведение, то, как Сюй Ци увидел, что он заходит в воду, и последовал за ним — такая очевидная вещь, а я все еще сомневался и гадал, — с горькой усмешкой подумал про себя Чжан Сяовэй.

— Или, быть может, я просто не хотел связывать их воедино, — пробормотал он себе под нос.

— Этот пейзаж на картине — его работа, а возвращающиеся гуси — мои. Он говорил: Когда мы состаримся, выберем место с прекрасными горами и чистыми водами и будем жить, как небожители, счастливой парой.

Сюй Ци уже погрузился в воспоминания, не в силах выбраться из них.

Увидев, как у Сюй Ци бесконечно катятся слезы, Чжан Сяовэй почувствовал, как в носу защипало, а глаза слегка покраснели. Он протянул руку, взял салфетку и вытер слезы Сюй Ци.

— Помнишь, когда он писал картины, я любил растирать для него тушь, — всхлипывая, проговорил Сюй Ци, не в силах остановиться.

В сознании Чжан Сяовэя возникла прекрасная картина: перед свитком стоят двое мягких и спокойных мужчин, один разбрызгивает тушь и водит кистью, другой молча растирает краску; время от времени они обмениваются улыбками, и в этом было столько нежности.

Однако сейчас, глядя на потерянный, сломленный вид Сюй Ци, Чжан Сяовэй не мог заставить себя смотреть дальше.

Все, что было прекрасного между ними, в этот момент превратилось в сплошные шрамы, и самое смешное, что они продолжают сдирать зажившие корки, обнажая кровоточащие раны, так что каждое воспоминание становится новой отметиной.

За фразой глядя на вещи, вспоминаешь человека всегда следует — люди изменились, а вещи остались прежними. Какая жестокая вещь.

Чжан Сяовэй представил их прежнее счастье и невольно тяжело вздохнул.

— Он к тебе относится иначе. У него другой взгляд, когда он смотрит на тебя, — внезапно сказал Сюй Ци.

Услышав это неожиданное замечание, рука Чжан Сяовэя, державшая салфетку, дрогнула.

Он неестественно взглянул на Сюй Ци и увидел, что тот, обессиленный, лежит на диване, свесив голову набок, в помятой одежде, с красными опухшими глазами и изможденным лицом.

Чжан Сяовэю стало не по себе, он прикусил губу и тихо произнес:

— Учитель Сюй, мы знакомы совсем недолго, мы же... мы...

Сюй Ци махнул рукой, прерывая его. Он посмотрел на Чжан Сяовэя и сказал:

— Я слишком хорошо его знаю. Я никогда не видел такого глубокого чувства в его глазах, честно говоря, я немного завидую. Тебе не нужно чувствовать вину или что-то в этом роде, потому что любовь по своей сути эгоистична.

— Учитель Сюй, что вы собираетесь делать? — осторожно спросил Чжан Сяовэй.

Сюй Ци запрокинул голову и сделал большой глоток пива. Пить он начал слишком рьяно, поэтому зашелся в кашле.

Чжан Сяовэй принялся легко похлопывать его по спине и потянулся, чтобы отобрать банку:

— Учитель Сюй, вы напились, хватит пить.

Сюй Ци сбил руку Чжан Сяовэя:

— Я пьян? Ну и что! Я давно пьян, еще с того самого момента, как впервые его увидел.

Сюй Ци вытер руки о брюки, осторожно свернул их и, прижав к груди, как ребенок, зарыдал навзрыд.

— Что мне делать? Скажи, что мне делать? У тебя уже есть человек, которого ты любишь, что мне делать? — приговаривал он, обнимая свиток.

Внезапно Сюй Ци разорвал свиток в клочья.

— Учитель Сюй... — Чжан Сяовэй хотел остановить его, но было поздно. Сюй Ци взмахнул рукой, и обрывки бумаги разлетелись по комнате.

Сюй Ци рухнул на пол, сгребая обрывки в ладони, со слезами на глазах повторяя:

— Братец Хан, прости, прости меня.

Глядя на беспомощного, словно ребенок, Сюй Ци, Чжан Сяовэй не смог сдержать собственных слез.

Он попытался встать, но Сюй Ци схватил его и взмолился:

— Не уходи, побудь со мной, пожалуйста.

Чжан Сяовэй похлопал его по руке:

— Учитель Сюй, я не уйду. Я схожу за водой, вы пьяны.

— Я не пьян! Выпей со мной, у меня на душе тяжело, — Сюй Ци открыл банку пива и протянул ему.

— В таком состоянии он тебя не полюбит. Раз ты все еще так сильно его любишь, будь храбрым и верни его, заставь изменить решение, а не занимайся самобичеванием здесь, — попытался утешить его Чжан Сяовэй.

— Можешь... можешь не любить его? — Сюй Ци обхватил руку Чжан Сяовэя и тихо попросил:
— Уступи его мне. Без него у меня ничего не останется. Я буду, я буду благодарен тебе всю жизнь, я готов прислуживать тебе, как скотина.

Сказав это, Сюй Ци с глухим стуком опустился перед ним на колени.

Чжан Сяовэй был поражен и поспешил поднять его.

— Братец Сюй, я не люблю его, мы просто случайно встретились, — Чжан Сяовэй понял, что, произнося эти слова, почувствовал, как в сердце разливается боль.

Неужели он действительно был тронут этим зрелым мужчиной, с которым знаком меньше месяца?

— Правда? — Сюй Ци наклонил голову, глядя на него затуманенным взглядом.

Чжан Сяовэя слегка затошнило. Оказывается, любовь действительно ослепляет, и даже такой мягкий и утонченный учитель, как Сюй Ци, не смог этого избежать.

Чжан Сяовэй невольно вспомнил о Чжан Чжи. Если бы Сюй Ци попросил его оставить Чжан Чжи, какова была бы его реакция?

Он бы твердо ответил: Я не могу.

Чжан Сяовэй улыбнулся — место Чжан Чжи в его сердце действительно было незаменимо. Он отвернулся, взял телефон и отправил Ли Хану сообщение: Прости, завтра не смогу пойти с

тобой поплавать, прошу понять.

Вскоре раздался звонок — не нужно было даже гадать, это был Ли Хан.

Чжан Сяовэй сжал телефон, помедлил, посмотрел на пьяного Сюй Ци и ушел в ванную комнату, чтобы ответить.

— Хе-хе, господин Чжан, подставлять на первом же свидании — не самая хорошая привычка.

На другом конце провода раздался низкий, бархатный голос Ли Хана с четкой дикцией.

— Знаешь, мне очень жаль, я забыл, что завтра обещал друзьям сходить на гору Юэлу, — на ходу придумал отговорку Чжан Сяовэй.

— Я тоже пойду, давно не занимался физическими упражнениями, — рассмеялся Ли Хан.

— Ты... разве у тебя завтра в полдень нет дела? Мы пойдем утром и до полудня точно не спустимся, — поспешно сказал Чжан Сяовэй.

— Тогда я приеду за тобой после обеда, — голос Ли Хана по-прежнему звучал невозмутимо.

— Не нужно. Мы на автобусе доедем. Спасибо, занимайся своими делами, до свидания.

— Хорошо, тогда... — не дожидаясь окончания фразы, Чжан Сяовэй сбросил вызов. Он успел заметить, что последнее до свидания Ли Хана прозвучало еще более мрачно.

Идти против человека, который к нему так добр, в конечном итоге было тяжело.

Чжан Сяовэй поправил одежду и вышел из ванной. Сюй Ци спал на диване, плотно закрыв глаза.

Глядя на пустые бутылки из-под пива, Чжан Сяовэй вздохнул и принялся убирать в комнате.

Когда он закончил, то заметил, что Сюй Ци так и остался лежать на диване, провалившись в глубокий сон. По его щеке все еще текла слеза, а банка с остатками пива опрокинулась, заливая пол.

Чжан Сяовэй аккуратно собрал обрывки картины, разулся, поднял ноги Сюй Ци на диван и подложил ему под голову подушку.

Сюй Ци был слегка разгорячен от выпитого алкоголя, дыхание его было тяжелым. Во сне он продолжал бормотать: Братец Хан, не уходи, не уходи, братец Хан.

Слыша, как сильно Сюй Ци привязан к нему, Чжан Сяовэй про себя подумал: Чжан Сяовэй, ты не должен совершать глупостей. Учитель Сюй так страдает, нужно сделать все возможное, чтобы они помирились.

Он достал телефон и отправил Ли Хану сообщение: Забудь о сегодняшнем дне, отныне мы просто знакомые.

Ли Хан тут же позвонил, но Чжан Сяовэй сбросил вызов.

Телефон зазвонил снова, Чжан Сяовэю стало совестно, но он опять отклонил звонок.

Телефон зазвонил в третий раз, и Чжан Сяовэй, помедлив, ответил.

— Алло, что с тобой случилось? Ведь все было хорошо, как ты мог так быстро передумать? Это твой Чжи что-то тебе сказал? — Чжан Сяовэй уловил в голосе Ли Хана нотки тревоги.

Его речь уже не была такой спокойной, как обычно.

— Все в порядке, Чжи тут ни при чем, не придумывай. Я просто считаю, что нам лучше быть обычными знакомыми. Да, так будет лучше. Я вешаю трубку.

Чжан Сяовэй, собрав волю в кулак, прервал разговор.

Где ты? Я сейчас приеду, — пришло сообщение от Ли Хана.

Чжан Сяовэй закрыл глаза, медленно выдохнул и выключил телефон.

Он был голоден, но после случившегося аппетит пропал. Ему хотелось уйти, но, взглянув на продолжающего бредить Сюй Ци, он вздохнул и решил остаться.

Весь день прошел в хлопотах: бассейн, выговоры, а теперь еще и уборка за Сюй Ци. Когда стало тихо, Чжан Сяовэй почувствовал головокружение и жуткую усталость. Он решил найти место для отдыха.

Войдя в спальню Сюй Ци, он увидел, что там все идеально прибрано: компьютер, книжный шкаф, постель — все на своих местах. На стене висела картина тушью Принц Циму: две бабочки порхали в цветах.

Внизу была начертана строчка: Гора, вода и пара бабочек, жизнь одна и двое на века.

Подпись все та же: Принц Циму. Атмосфера всей картины, дополненная ярко-красной печатью, источала невыразимую нежность и бесконечное счастье, вызывая невольную зависть.

Чжан Сяовэй не выдержал и отвел взгляд, чувствуя, как у него снова краснеют глаза. На душе было мутно, горько и странно. Он не понимал, от чего именно ему так плохо: жаль Сюй Ци, больно от того, что пришлось отвергнуть Ли Хана, или грызет совесть за предательство Чжан Чжи?

Человеческое сердце — самый сложный механизм. У Чжан Сяовэя разболелась голова.

Он хотел лечь на кровать, но увидев идеально заправленное, без единой складки белье, не решился. Он взял тонкое одеяло, укрыл им Сюй Ци, а сам расстелил циновку на полу в гостиной, лег и уставился в потолок.

— Одна, две, три, четыре... — мысленно считал он, пока перед глазами сменяли друг друга образы Чжан Чжи и Ли Хана.

Чжан Чжи выглядел подчеркнуто серьезным, Ли Хан слегка улыбался, но смотрели они на него одинаково.

В полудреме Чжан Сяовэй услышал всхлипы. Он машинально открыл глаза, но яркий свет лампы больно резанул по зрению. Прикрыв лицо рукой, он поднялся и увидел, что Сюй Ци проснулся и сидит перед журнальным столиком, пытаясь склеить разорванную картину.

Чжан Сяовэй взглянул на время — два часа ночи.

Заметив, что Чжан Сяовэй встал, Сюй Ци поспешно вытер слезы, выдавил из себя слабую улыбку и произнес:

— Почему ты не лег на кровать? На полу же холодно. Я видел, что ты крепко спишь, и не хотел будить, не думал, что все же разбужу.

— Братец Сюй, с тобой... все в порядке? — робко спросил Чжан Сяовэй.

— Вчера перебрал, хотелось с кем-то поговорить, а друзей здесь нет, вот и пришлось тебя побеспокоить. Я не наговорил лишнего? — неестественно улыбнулся Сюй Ци.

— Нет, просто жаль, что ты порвал такую замечательную картину, — сочувственно ответил Чжан Сяовэй.

— Да, разорванную картину я могу попытаться склеить. Но как восстановить разбитое сердце?
— пробормотал Сюй Ци, глядя на грудю обрывков.

Чжан Сяовэй не знал, что ответить. Он вспомнил, что в сердцах выключил телефон. С замиранием сердца он включил его.

Дзинь-дзинь — сообщения посыпались одно за другим.

Десятки уведомлений от оператора о пропущенных вызовах — это было ожидаемо. Но сорок-пятьдесят сообщений от других людей заставили его схватиться за голову.

Больше всего писал Ли Хан — почти каждые десять минут. Гогай, Линь Юй, Боэрба — все они спрашивали одно и то же: Где ты? Что с тобой случилось? Последнее сообщение пришло от Ли Хана в час пятьдесят ночи: Не пугай меня, где ты? Если не хочешь видеть меня — не надо, но нельзя же пропадать. Как включишь телефон, сообщи, я очень волнуюсь.

Чжан Сяовэй уже мог представить, как они все носились вокруг, словно муравьи на горячей сковородке.

Он кашлянул и сказал Сюй Ци:

— Братец Сюй, мне пора возвращаться. Я долго отсутствовал, не предупредил соседей, они там, наверное, с ума сходят.

— Я слышал, у меня тоже телефон звонил, но настроения отвечать не было, наверняка тоже искали тебя. Оставайся, уже поздно, позвони им и скажи, что останешься у меня.

Чжан Сяовэй заколебался:

— Нет, лучше я пойду. У меня хорошие отношения с комендантом, она откроет дверь. Братец Сюй, не бери в голову, то, что твое, от тебя не уйдет. Видно же, что ты до сих пор не можешь его забыть, почему бы не попытаться все вернуть?

— Я понял, Сяовэй, спасибо, что побыл со мной. Раз ты настаиваешь, не буду тебя задерживать, напиши, как доберешься до общежития, — кивнул Сюй Ци.

Выйдя из дома Сюй Ци, Чжан Сяовэй хотел было позвонить Ли Хану, но, помедлив, набрал Линь Юя.

— Твою мать, ты где шляется! Знаешь, сколько народу тебя ищет? — заорал Линь Юй, едва сняв трубку.

На заднем плане послышался приглушенный голос Ван Гоюя: Не кипятись, скажи помедленнее, помедленнее.

Услышав голос Ван Гоюя, Чжан Сяовэй понял, что дело приняло серьезный оборот — даже Гоюй не спал. Он совершил большую ошибку.

— Ладно, со мной все в порядке, через пять минут буду в общежитии, приеду и поцелую тебя, до встречи, — торопливо проговорил Чжан Сяовэй, боясь, что Линь Юй продолжит орать.

Он знал, что Линь Юй сообщит Ли Хану, что он в порядке, и немного успокоился.

В Чанше был октябрь. Днем все еще стояла невыносимая жара, но сейчас повеяло прохладой. Луна была прекрасна, словно острый изогнутый клинок, излучающий холодный свет.

Чжан Сяовэй впервые видел такую красоту с тех пор, как приехал в Чаншу.

Два часа ночи, длинная улица и он один.

Подул прохладный ветерок, Чжан Сяовэй поежился и обхватил себя руками. В воздухе разлит тонкий аромат османтуса.

Под тусклыми желтыми фонарями на пустой дороге одинокая, худая фигура Чжан Сяовэя выглядела довольно печально.

Однако на душе у него было на удивление спокойно, словно вся суeta мира затихла в этот миг. В голове было пусто, только зябко, отчего он еще сильнее сжался.

Но это спокойствие быстро улетучилось.

Навстречу выехала машина, ее фары слепили так, что он ничего не видел. Чжан Сяовэй отвернулся, слегка прикрываясь, и продолжил идти.

Машина остановилась прямо перед ним.

Чжан Сяовэй увидел, как из задней двери вышли Гогай и Боэрба. Только тогда он понял, что это Ауди Ли Хана.

Чжан Сяовэй застыл на месте.

Боэрба подошел к нему и с размаху ударил в плечо, отчего Сяовэй покачнулся.

— Я всегда думал, что ты понимающий человек, а ты знаешь, сколько народу тебя искало? Гоюй возил Линь Юя в другую сторону, я, братец Хан и Гогай рыскали по всему району школы. Мы места себе не находили, а ты что? Выключил телефон и пошел гулять, куда душе угодно! Ты хоть понимаешь, насколько ты перегнул палку? Мы собирались искать тебя до рассвета, а если не найдем — заявить в полицию! — яростно выпалил Боэрба.

Гогай дернул его за рукав:

— Видишь, он в порядке? Все, хватит. Пусть братец Хан идет спать, он всю ночь на ногах, а у него же завтра утром небольшая операция, разве Линь Юй не говорил?

Выслушав отповедь Боэрбы, Чжан Сяовэй опустил голову. Услышав про Ли Хана, он невольно поднял взгляд и увидел того, стоявшего перед машиной.

Он стоял прямо, как тополь, все с той же мягкой улыбкой. Эта тяжелая ночь не сломила его, но глубокую печаль и тоску в его глазах скрыть было невозможно.

Чжан Сяовэй не осмелился встретиться с ним взглядом, торопливо опустил глаза и тихо пробормотал:

— Простите, что заставил вас волноваться, я не подумал.

В этот момент Чжан Сяовэй увидел, как к ним на огромной скорости подлетела другая машина и резко затормозила.

Линь Юй выскочил из салона и пошел прямо на Чжан Сяовэя.

Заметив выражение лица Линь Юя, Гогай и Гоюй поспешили удержать его.

Ван Гоюй слегка покачал головой, Линь Юй сердито отвернулся, ничего не сказав.

Ли Хан снял свое пальто и накинул на дрожащего от холода Чжан Сяовэя:

— Вернулся? Ну и хорошо. Давай отвезу тебя домой, выпишься.

Чжан Сяовэй поднял голову и встретился с глазами, полными нежности.

На сердце стало тяжело. Он хотел сказать что-то утешительное, но вспомнил жалкий вид Сюй Ци. Он дернул плечом, и пальто соскользнуло на землю.

Чжан Сяовэй холодно произнес:

— Не стоит беспокоиться, со мной все хорошо, вы можете ехать.

Эти слова стали искрой в пороховой бочке. Линь Юй взорвался:

— Это что за тон такой? Мы полночи бегали за тобой, а ты еще и огрызаешься? Совсем совесть потерял?

— Да, потерял! И не твое дело, куда она делась. Это мое личное дело, попрошу не вмешиваться, спасибо не надо! — злобно выпалил Чжан Сяовэй, хотя тут же пожалел об этом — он и сам не понимал, откуда взялась эта ярость.

Лицо Линь Юя мгновенно побелело.

— Ладно, ладно, ладно! Чжан Сяовэй, ну ты даешь. Все наше добро в твоих глазах — лишь грязь, ха, как смешно!

— Хорошо, Линь Юй, садись в машину, — Ли Хан бросил на него предупреждающий взгляд.

Ван Гоюй почти силой затолкнул Линь Юя в салон. Гогай и Боэрба переглянулись и тоже сели в машину Ван Гоюя.

Машина Ван Гоюя рванула с места и скрылась из виду.

<http://bllate.org/book/21931/2278623>